

КИТАЙ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.31857/S086919080008436-6

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПРОВИНЦИИ ЧЖИЛИ ВО ВРЕМЯ ДИНАСТИИ ЦИН
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТЯНЬЦЗИНЬ)

© 2020

П.А. ЛАПИН ^a

^a – Посольство России в Китае, Пекин, Россия
wajijiao2000@mail.ru

Резюме: По мере развития связей между Россией и Цинской империей все более актуализировался вопрос подготовки китайскими властями кадров, владевших русским языком. Типичной стала ситуация в центральной провинции Чжили и ее главном городе Тяньцзинь, представлявшем для российских властей большой интерес в качестве политического и торгового центра. С конца XIX в. Россия планомерно наращивала там свое присутствие, учредив генеральное консульство и в 1900 г. оформив концессию, ставшую одной из самых больших в городе. В городе на постоянной основе жили россияне, был расквартирован небольшой военный контингент. В связи с активной позицией наших властей и необходимостью развития двусторонних контактов с 1896 г. китайские представители начали учреждать в этом городе учебные заведения по преподаванию русского языка. Именно Тяньцзинь стал местом, где преподавание русского впервые вошло в программу высшего учебного заведения – Бэйянского университета – на региональном уровне.

Российские администраторы в Тяньцзинь оказывали содействие в организации преподавания, по мере возможности направляя на преподавательские должности выпускников российских вузов и обеспечивая учебные заведения дидактическими разработками. Предпринимались шаги по расширению программ преподавания за счет открытия специализированных учебных «классов» на базе имевшихся русских училищ, например, группы «горных наук». При реализации гуманитарной политики российские представители довольно часто наталкивались на действия других иностранцев, вовлекавших местное население в орбиту своих интересов.

Ключевые слова: Цинская империя, Тяньцзинь, центральная провинция Чжили, преподавание русского языка, гуманитарные контакты, школы русского языка

Для цитирования: Лапин П. А. Очерки истории преподавания русского языка в центральной провинции Чжили во время династии Цин в конце XIX – начале XX в. (на примере города Тяньцзинь). *Восток (Oriens)*. 2020. № 1. С. 111–127. DOI: 10.31857/S086919080008436-6

A SKETCH OF RUSSIAN LANGUAGE STUDY
IN CENTRAL PROVINCE OF ZHILI DURING THE QING DYNASTY
IN THE END OF 18TH CENTURY – THE BEGINNING OF 20TH CENTURY
(THE EXAMPLE OF TIANJIN)

© 2020

Pavel A. LAPIN ^a

^a – Russian Embassy in Beijing, China
wajijiao2000@mail.ru

Abstract: Since the relations between Russia and Qing Empire were developing rapidly, the topical task was to teach local officials Russian language. The situation in the central province Zhili and its main city Tianjin was quite typical. The city was crucial for Russian authorities because of its trade and political posi-

tion. From the end of the 19th century Russia was strengthening its positions there establishing Russian Consulate. Russian people and small-sized military contingent were placed in Tianjin. Given that the status of Russian authorities was strong, there was a need to develop bilateral relations, so since 1896 there were established Russian language schools. The author strengthens that Tianjin became the first place where the Russian language was placed into a university program (Beiyang University).

Russian authorities in Tianjin provided assistance in organizing Russian language teaching by sending Russian universities graduates to fill the teaching positions, as well as providing textbooks. They also broadened educational programs by opening some special “classes” on the basis of Russian schools. While implementing humanitarian policy, Russian authorities frequently run across other foreign actors’ activities, drawing local people into the orbit of their interests.

Keywords: Qing Empire, Tianjin, central province of Zhili, Russian language teaching, humanitarian contacts, Russian language schools

For citation: Lapin P. A. A Sketch of Russian Language Study in Central Province of Zhili during the Qing Dynasty in the End of 18th Century – the Beginning of 20th Century (the Example of Tianjin). *Vostok (Oriens)*. 2020. No 1. Pp. 111–127. DOI: 10.31857/S086919080008436-6

Преподавание русского языка в Цинской империи в конце XIX – начале XX в. строилось с учетом практических потребностей государства в реализации внешнеполитического курса. Инициаторами создания учебных заведений с преподаванием русского языка выступали сами китайские власти, при формировании преподавательского состава, как правило, ориентировавшиеся на россиян. Местная школа русистики только формировалась, поэтому подавляющее большинство образовательных учреждений такого профиля открывалось в местах компактного пребывания наших соотечественников. Во многом схожей была история преподавания русского языка в городе Тяньцзине, в цинский период входившего в состав центральной провинции Чжили, отличие состояло лишь в том, что именно здесь русский преподавался в максимальном числе учебных заведений одного города, включая одно из старейших высших учебных заведений Китая – Бэйянский университет.

Тяньцзинь представлял значительный интерес для иностранных держав, проводивших в империи активную военно-дипломатическую и торгово-экономическую деятельность. Именно здесь в 1858 г. была подписана серия Тяньцзиньских соглашений с иностранными государствами (включая Россию), значительно расширявших возможности иностранцев в Китае [Русско-китайские отношения, 1958, с. 30–34]. Тяньцзинь, стоявший на судоходной реке Баохэ, в незначительном удалении от впадения в Желтое море (через Бохайский залив), получил статус открытого международного порта – единственного водного узла в северной части Китая, объединявшего основные водные и сухопутные маршруты богатой южной части Китая с Европой. Как писал современник, вследствие выгодного географического расположения Тяньцзинь «по своим торговым оборотам занимает среди открытых для иностранной торговли портов Китая следующее место после Шанхая, поддерживая независимо от последнего торговые сношения с иностранными рынками» [Мещерский, 1907, с. 83]. В этом городе были сосредоточены торговые интересы большинства иностранных государств, получавших от деятельности на местном рынке значительную экономическую прибыль¹. Этот район был чрезвычайно важен и для российских торговцев, так как позволял обеспечить выгодную доставку грузов в Россию морем или по суше². В Тяньцзине в начале XX в. также функционировало не-

¹ Подробнее о торговой деятельности иностранных государств в Тяньцзине см.: [Мещерский, 1907, с. 85–97; Тидеман, 1917, с. 1–6; Успенский, 1916, с. 3–9; Шуйский, 1900, с. 29–33].

² Российские купцы традиционно вывозили из Тяньцзиня формовочный чай, доставляя его через Кяхту в восточносибирские города. Лишь в 1898 г. в Тяньцзинь для оплаты доставки оттуда грузов в Кяхту было перечислено 4,1 млн. рублей [Шуйский, 1900, с. 34].

сколько отечественных складских мануфактур, специализировавшихся на импорте в Китай российских товаров (прежде всего ткани)³.

Ввиду важности Тяньцзиня с конца XIX в. Россия планомерно наращивала там свое политическое присутствие. Кроме открытия российского консульства в конце 1900 г. наши представители добились заключения с китайскими властями выгодного соглашения об учреждении в городе российской концессии [*Русско-китайские отношения*, 1958, с. 81–82], где в 1902 г. было выстроено новое здание консульства⁴. По своей численности российская диаспора, проживавшая в концессии, была небольшой: не считая представителей частных коммерческих компаний, служащих российских учреждений (почты, банка), а также регулярно приезжавших в город солдат для несения охранной службы, в 1900 г. на постоянной основе там проживало всего шесть семейств [Янчевецкий, 1903, с. 38–41], к 1903 г. количество россиян возросло – административных служащих было 22 и еще 778 человек из числа российских солдат и офицеров обеспечивали охрану российских объектов [Успенский, 1914, с. 184]. Кроме российской в Тяньцзине также были основаны концессии других иностранных держав, поддерживавших контакты с империей⁵.

Параллельно с реализацией активной военно-политической и торгово-экономической политики в этом важном районе Китая иностранные представители осуществляли мероприятия по идейно-духовному вовлечению местных жителей в сферу своего влияния. Продвигались идеи исключительности пути развития, выбранного государствами Европы, США и Японии, их военно-технического и экономического превосходства, достигнутого благодаря научному прогрессу, новым научным теориям и технологиям. Идеологические установки иностранцы реализовывали по линии образовательных учреждений, которые они начали открывать в Тяньцзине с середины XIX в. Таким же образом решались практические вопросы подготовки кадров, способных обеспечивать укрепление контактов иностранцев с местными политическими и торговыми кругами в интересах первых. Кроме светских учебных заведений американские и британские религиозные структуры (прежде всего – католики и протестанты) создавали церковные школы и семинарии [*Тяньцзинь цзяоюй ши*, 2001, р. 182–187]. Вообще, по самым общим данным, с 1860 по 1920-е гг. в Тяньцзине по линии зарубежных государственных, религиозных и частных организаций было учреждено порядка 30 учебных заведений разного профиля и направленности (в том числе дошкольного обучения), пользовавшихся большой популярностью среди местного населения [*Тяньцзинь цзяоюй ши*, 2001, р. 195]⁶.

Надо сказать, что местная интеллигенция, поддерживающая плотные контакты с иностранцами, в какой-то мере была готова к восприятию новых идей, заимствованию передового зарубежного опыта в интересах усиления государства. Еще в 1880-х гг. тяньцзиньские власти по собственной инициативе приступили к учреждению современных техниче-

³ Подробнее о их деятельности см.: [Тидеман, 1917, с. 12–13; Успенский, 1916, с. 9–11].

⁴ В 1902 г. был разработан устав об управлении русской концессией, где формулировались основные положения организации пребывания наших соотечественников на этой территории, включая принципы регулирования хозяйственной деятельности, правопорядка и суда. Российская концессия просуществовала до 1924 г., когда в соответствии с межправительственными договоренностями была передана под юрисдикцию китайских властей. Подробнее о русской концессии и русской диаспоре Тяньцзиня см.: [Дубаев, 2005, с. 100–101; Успенский, 1914, с. 148–189; Янчевецкий, 1903, с. 38–41; *Тяньцзинь цзюцзе шэжэнь яньцзю*, 1996, р. 188–190; *Тяньцзинь цзюцзе*, 1986, р. 120–133].

⁵ Начиная с созданной еще в 1860 г. британской концессии впоследствии свои держания в городе оформили США, Франция, Германия, Япония, Италия, Австро-Венгрия, Бельгия, Швеция, Голландия, Дания. Подробнее об иностранных концессиях Тяньцзиня см.: [Цзиньмэнь цзюцзюэ, 1988, р. 70; Ян Шэнсян, 2000, р. 51–53].

⁶ Скажем, в одном Французском колледже, открытом в 1895 г. по линии французской католической церкви, количество китайских учащихся увеличилось с 50 в 1895 г. до более 1 тыс. в 1925 г. [*Тяньцзинь цзяоюй ши*, 2001, р. 186, 188].

ских образовательных учреждений⁷. В дальнейшем по мере превращения Тяньцзиня в один из ведущих городов, обеспечивавших международные контакты, там довольно быстро начали открываться новые специализированные учебные заведения⁸. В 1905 г. в Тяньцзине был учрежден отдел по делам образования центральной провинции Чжили (*Чжилли сюэ'у-чу*; 直隶学务处)⁹. Именно тяньцзиньские власти одни из первых в Китае наладили практику обучения представителей местного населения за рубежом¹⁰.

Тяньцзиньские власти уделяли также большое внимание и контактам с Россией, создавая структуры по подготовке кадров ради обеспечения связей с нашим государством. Непосредственным инициатором организации преподавания русского языка в Тяньцзине в конце XIX в. стоит считать видного прогрессиста, общественного деятеля, философа и переводчика Янь Фу (严复; 1854–1921)¹¹, который, будучи директором Бэйянского военно-морского училища, первым предложил создать некое учебное подразделение по обучению русскому языку.

Косвенным поводом к таким действиям властей послужил визит в июне 1896 г. в Россию китайской государственной делегации во главе с главным наместником центральной провинции Чжили Ли Хунчжаном (李鸿章; 1823–1901) для участия в мероприятиях по случаю коронации российского императора Николая II и подписания между двумя империями Союзного договора, в котором были сформулированы основные идеи по строительству Китайско-восточной железной дороги [*Русско-китайские отношения*, 1958, с. 73–74]. Янь Фу не входил в состав делегации, но, будучи человеком, вовлеченным в организацию нового образования, понимал, что реализация такого масштабного проекта, как строительство железной дороги, в которую будут интегрированы железно-

⁷ Начиная с открытия в 1880 г. Тяньцзиньского телеграфного училища (Бэйян дянбао сюэтан; 北洋电报学堂), впоследствии в городе были учреждены Бэйянский военно-морской училище (1881; Бэйян шуйши сюэтан; 北洋水师学堂), Военное училище (1885; Бэйян убэй сюэтан; 北洋武备学堂), Бэйянский медицинский училище (1894; Бэйян и сюэтан; 北洋医学堂). Подробнее см.: [Тяньцзинь цзяоюй ши, 2001, р. 85–97; Лю Цзинь, 2009, р. 158–160].

⁸ Лишь за короткий период с 1895 по 1905 г. в городе было создано 49 разных образовательных учреждений, в том числе один университет (Бэйянский университет; 北洋大学堂; 1896), специальные училища, средние и начальные школы. Подробнее см.: [Тяньцзинь цзяоюй ши, 2001, р. 111–112].

⁹ Подробнее об организации системы управления образованием в Тяньцзине в начале XX в. см.: [Тяньцзинь цзяоюй ши, 2001, р. 140–141; Хоу Чжэньтун, 1982, р. 39].

¹⁰ Еще в 1876 г. в Германию для обучения военным наукам были командированы лучшие семь учащихся Бэйянского военно-морского училища [Тяньцзинь цзяоюй ши, 2001, р. 199]. Впоследствии слушатели тяньцзиньских учебных заведений направлялись для обучения в промышленно развитые государства — США, Британию, Францию, Бельгию, Японию и Россию.

¹¹ Янь Фу родился 8 января 1854 г. в уезде Наньтай города Фучжоу провинции Фуцзянь. С малых лет получал классическое образование в конфуцианских школах, однако в 1866 г. из-за смерти отца был вынужден оставить дорогое обучение и отправился в Фучжоу, где поступил в школу при фучжоуской судовой канцелярии, получив полное казенное обеспечение. После окончания в 1871 г. школы был направлен для прохождения практики на пароход с символическим названием «Яньфу» («Освоение заморских дел»). В 1877 г. в числе наиболее успешных выпускников был командирован в Британию для продолжения обучения в Гринвичском военно-морском колледже. В 1879 г. Янь Фу вернулся на родину и был назначен на преподавательскую должность в Фучжоуское навигационное училище. Сблизился с лидером реформ Ли Хунчжаном. Активно публиковал свои труды в газетах: признание политического автора принесли ему вышедшие в 1895 г. в тяньцзиньской газете «Чжибао» статьи «О стремительности перемен в мире» (кит.: *Лунь ши бянь чжи цзи*, 论世变之亟), «Обращение к источникам могущества» (кит.: *Юань фу*, 原富), «Опровержение Хань [Юя]» (кит.: *Пи хань*, 辟韩) и «Окончательное суждение [о путях] спасения от гибели» (кит.: *Цю ван цюэ лунь*, 救亡决论), в которых он предлагал конкретные действия по реформированию государства, в том числе образовательной сферы [Янь Фу цзопин цзинсюань, 2005, р. 1 (введение)]. В 1880 г. Янь Фу получил назначение на должность старшего преподавателя (总教习, фактически директора) в Бэйянском военно-морском училище, где прослужил до 1898 г. Подробнее об этом училище и работе Янь Фу на посту его руководителя см., например: [Цзиньмэн цзюэ, 1988, р. 58–59; Бэйян цзшиши, 2013, р. 115–121; Пи Хоуфэн, 2009, р. 71–79; Пи Хоуфэн, 2011, р. 68–72; Чжан Дао, 1986, р. 67–69].

дорожные пути севера провинции Чжили, может потребовать наличия кадров, владеющих русским языком.

Кроме того, администрация Тяньцзиня предполагала, что в связи с модернизацией железных дорог на северном и российском направлении, а также в связи с особым статусом международного открытого порта увеличатся транзитные грузопотоки за рубеж, эффективное управление которыми без наличия кадров, владевших в том числе русским языком, будет невозможно. В 1898 г. российский консул в Тяньцзине Н.А. Шуйский весьма точно подметил, что товары, «доставленные в Тяньцзинь, китайцы уже не в состоянии двинуть далее до мест окончательного сбыта, по причине совершенного незнакомства с иностранными рынками», особенности развития которых им было не понять в том числе вследствие незнания местных языков (кстати, именно поэтому свои школы перевода в Тяньцзине открыли консульства Британии, Германии, Франции и Японии) [Шуйский, 1900, с. 31].

Объективные причины создания структуры по подготовке людей, владеющих русским языком, были очевидны уже через два месяца после возвращения Ли Хунчжана из России и подписания соответствующих документов о строительстве Россией на Северо-Востоке Китая железной дороги. С подачи Янь Фу и после доклада на высшее имя тогда уже нового главного наместника столичной провинции Чжили Ван Вэньшао (王文韶; 1830–1908) в августе 1896 г. последовал указ императора Гуансюя открыть в Тяньцзине училище русского языка. 17 августа 1896 г. российский посланник в Пекине А. П. Кассини (1835–1919) секретной депешей сообщил в МИД, что «Богдыхановским указом повелено открыть [в] Тяньцзине русское училище», китайские власти в Пекине «ходатайствуют [о] разрешении секретарю нашего консульства [В.Ф.] Гроссе руководить первое время занятиями. Считаю, [в] видах отрадного начинания Китая желательным удовлетворить это ходатайство» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 3].

Несколькими днями позже, 19 августа, Янь Фу через Ван Вэньшао направил в адрес Главноуправляющего ведомства по делам всех государств (кит.: *Цзунли гэгэ ши'у ямэнь*; 总理各国事务衙门) доклад по вопросам организации преподавания русского языка в Тяньцзине. В связи с экономией средств Янь Фу предлагал временно не создавать отдельное учреждение, а первоначально ограничиться открытием на базе его «морского училища группы по изучению русского языка, в которую зачислить 30 учащихся» [ПИА КНР, 04–01–01–1015–039, л. 1]. «Все расходы [по приглашению] российского и китайского учителей, а также средства на [приобретение] лампадного масла и другие разные расходы для учащихся отнести на счет общей сметы военно-морского училища» [ПИА КНР, 04–01–01–1015–039, л. 2]. Отделение по преподаванию русского языка «разместилось в свободном помещении западной пристройки Бэйянского военно-морского училища», располагавшемся на территории основанного еще в 1867 г. Тяньцзиньского технического завода (天津机器制造局) [Линь Каймин, 2005, л. 21; Чжан Шаоцзу, 2007, л. 4].

Так началось преподавание по официальной линии русского языка в одном из важнейших с точки зрения российских интересов районов Цинской империи. В 1897 г. группа по изучению русского языка была преобразована в самостоятельное учебное заведение, получив название «Русско-китайское училище» или «Тяньцзиньское училище русского языка» (кит.: *Тяньцзинь эвэнь гуань*; 天津俄文馆) [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 11–14]. В 1898 г. училище было перенесено в специально выстроенное здание, по которым данным, насчитывающее 127 помещений [Чжан Шаоцзу, 2007, л. 4]¹². В 1901 г.

¹² В отечественной историографии сохранилось описание внутреннего убранства училища. Как сообщал российский журналист Дмитрий Янчевецкий, в 1900 г. посетивший Тяньцзинь, «по примеру других китайских зданий училище занимает несколько квадратных мощеных дворов, обнесенных комнатами, в которых живут ученики

территория, на которой находилось училище, по Договору о расширении территории немецкой концессии («Дэго туйгуан цзучзе хэту»;¹³ 德国推广租界合同) отошла Германии. Несмотря на это, управление училищем было сохранено за китайскими властями [Чжан Шаоцзу, 2007, л. 4].

С согласия российских властей в августе 1896 г. на должность преподавателя русского языка и других общеобразовательных дисциплин был зачислен выпускник Восточного факультета Петербургского университета, секретарь российского консульства в Тяньцзине, титулярный советник Виктор Федорович Гроссе (1861–1931). Вскоре после назначения россиянин совместно с директором Бэйянского военно-морского училища Янь Фу и чиновником Бэйянской канцелярии по военно-морским делам (Бэйян шуйши-ин инчу; 北洋水师营务处) Пань Чжицзюнем (潘志俊; по-видимому, он курировал подготовку военных моряков в администрации города) разработали пакет инструктивных документов¹⁴, обеспечивавших работу нового учебного заведения. Сегодня эти документы представляют собой важнейший источник по истории русистики в Китае времен поздней династии Цин и всесторонне освещают работу этого образовательного учреждения.

Цель созданного училища, по мнению Гроссе, виделась в том, чтобы «содействовать развитию духовных дарований человека», в связи с чем «самым важным делом следует признать школьные занятия и нравственное усовершенствование», преуспев в которых ученик «впоследствии может и заправлять делами по международным сношениям» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 8].

В учебном заведении было открыто два отделения. На первом российский наставник кроме различных аспектов русского языка¹⁴ также преподавал ряд общеобразовательных предметов (арифметику, историю, географию, математическую географию). На втором обучали только русскому языку. С целью повышения общего образовательного уровня слушателей по выходным местный учитель разбирал с ними китайские канонические этико-философские произведения [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 7–7об]. Нормативный срок обучения составлял четыре года [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 11].

Китайский учитель также выступал ассистентом российского преподавателя в обучении слушателей русскому языку. В отечественной историографии встречается упоминание о китайском наставнике: «Школой заведует русский учитель г. Гроссе и китаец Лю Чун-Хою» [*Православие, православные и русские школы в Китае*, 1900, с. 176]. Китайские архивные данные позволяют установить личность китайского преподавателя. С 1896 г., то есть с открытия учебного заведения, там трудился выпускник отделения русского языка пекинской Школы иностранных языков «Тунвэньгуань» (同文馆) Лю Чунхуэй (刘崇惠) [Тунвэньгуань тимин лу, 1896, л. 38]¹⁵. Кроме преподавательских должностей был предусмотрен пост китайского управляющего, формально занимаемый главой тяньцзиньской таможни (что было важно, так как финансирование поступало именно из этого ведомства), а также должность инспектора (ее занимал Янь Фу).

и учителя, классами, столовой, кухней и галерей... Классы помещались в просторных светлых комнатах. Доски, черные китайские столики и табуреты для учеников расставлены... На стенах висели географические карты и картины из русской истории». В комнатах учащихся были «каменные лежанки, крытые циновками, столики с русскими и китайскими книжками, скамейки и изречения на стенах» [Янцевский, 1903, с. 52–53].

¹³ Гроссе весьма обстоятельно подошел к вопросу организации преподавания русского языка, поэтому кроме традиционного устава образовательного учреждения он также разработал «Правила Русско-китайского училища» и «Дополнительные правила Русско-китайского училища», он же составил проект урочного расписания учебного заведения [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 7–14].

¹⁴ Чтение, переводы на русский, письмо, грамматика, заучивание текстов на русском языке.

¹⁵ О Лю Чунхуэй известно немного: родился в 1873 г. в Пекине, в 1886 г. поступил в школу «Тунвэньгуань», где, возможно, проучился до 1890 г. В 1896 г. был назначен на должность помощника преподавателя в тяньцзиньском Училище русского языка. Впоследствии до 1916 г. служил на границе в области Кяхты [*Цзин-ши Тунвэньгуань сюэ ю хуэй ди и цы баогаошу*, 1916, л. 34].

Учащиеся набирались по письменному заявлению родителей, где они давали обещание, что их ребенок не намерен «оставлять школы, не просит отпуска для вступления в брак, также не занимается приготовлением на ученую степень¹⁶» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 11]. Возраст абитуриентов, судя по всему, не был строго регламентирован и, по некоторым данным, составлял от 14 до 26 лет [Янчевецкий, 1903, с. 52]. Зачисленные подлежали четырехмесячному испытанию и по итогам общей аттестации распределялись в одно из двух отделений с выплатой небольшой стипендии в размере четырех лянгов серебра¹⁷ в месяц. Ночевали слушатели в училище, где было предусмотрено трехразовое питание. В течение учебного года полагалось несколько выходных дней¹⁸.

Система аттестации учащихся была весьма серьезной. Оценивался каждый аспект работы (чтение, повторение урока, диктовка и выучивание наизусть). За неудовлетворительные оценки ученик мог лишиться казенного содержания. Проверке знаний, судя по всему, уделялось большое внимание: например, на переводных экзаменах на третий год обучения в конце апреля 1898 г. председательствовал лично Янь Фу [Чжан Шаоцзу, 2007, л. 4].

Уставом пресекались разного рода правонарушения, занесение которых в нормативные документы вряд ли могло появиться без веских оснований. «Если слушатели вздумают пить вино, курить табак (в другом разделе устава – опиум. – П.Л.), ругаться, драться, то подобные дела будут подвергаться наказанию бамбуком» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 10–10об]. Однако, по мнению современников, такая норма вводилась скорее всего для устрашения слушателей. По информации Янчевецкого, учащиеся происходили из семей чиновников и купцов, а, как вспоминал российский преподаватель учебного заведения, «их (учащихся. – П.Л.) поведение безукоризненно. Никакие шалости и озорнические проделки, которыми так любят хвастать европейские мальчишки, им не известны» [Янчевецкий, 1903, с. 52].

Большое внимание, уделявшееся образовательному процессу, содействовало росту интереса слушателей к учебе. Довольно скоро учащиеся начали демонстрировать первые успехи. «Как мне лично пришлось убедиться во время моего недавнего посещения Тяньцзиня, – сообщал в 1897 г. в МИД исполняющий обязанности поверенного в делах России в Китае А.И. Павлов, – ученики нашей школы в столь сравнительно непродолжительный срок не только усвоили в весьма значительной степени русский язык, но приобрели даже известные познания из области математики, истории и географии» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 4об]. Об училище также сообщалось и приезжавшим в Тяньцзинь из России высоким гостям. Так, председатель правления КВЖД князь Э.Э. Ухтомский (1861–1921), посетивший этот город в мае 1897 г. и, видимо, наслышанный об успехах учебного заведения, пожертвовал училищу 1200 рублей [Янь Фу цзопинь цзинсюань, 2005, с. 109]¹⁹.

¹⁶ Имелась в виду подготовка к сдаче государственных экзаменов на получение ученых степеней (*кэцзюй*), обладатели которых имели формальное право претендовать на замещение должностей в государственном аппарате.

¹⁷ Серебряный лян (кит. *иньлян*, 银两) – мерный слиток серебра, в качестве денежного инструмента просуществовал в Китае около 2 тыс. лет. Вес 1 ляна варьировался от 36 до 37,68 г, при этом использовавшийся в международных расчетах так называемый таможенный лян весил ровно 37,68 г.

¹⁸ Один выходной день в начале каждого месяца, на новый год устраивались каникулы на 15 дней. На похороны по ближайшим родственникам предоставлялся отпуск в 15 дней, на похороны – 6 дней [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 12об].

¹⁹ Городская администрация весьма пышно принимала российского князя в Тяньцзине. «Российский посол князь-ван У[хтомский] прибыл в Китай с ответным визитом. Столь богатый церемониал и подготовленные лестные обращения ранее не встречались», – писал в своей статье в январе 1898 г. «О дружеских связях Китая и России» (*Чжуньэ цзяо и лунь*; 中俄交谊论) инспектор русского училища Янь Фу. [Янь Фу цзопинь цзинсюань, 2005, с. 107–113].

Секретарь российского консульства в Тяньцзине В.В. Гроссе ответственно работал на посту преподавателя. Не исключено, что он продолжил бы свою педагогическую деятельность, но в середине 1897 г. ухудшилось здоровье консула в Тяньцзине Н.А. Шуйского, и Гроссе стало сложно совмещать две ответственные должности в консульстве и училище. В ноябре 1897 г. А.И. Павлов направил директору Первого департамент МИД России А.К. Базили депешу, в которой, признавая заслуги Гроссе в делах управления училищем, просил руководство в Санкт-Петербурге «рекомендовать для русского училища в Тяньцзине подходящего кандидата», «отвечающего условиям русского преподавателя» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 5об].

Начались поиски нового представителя, но процесс, видимо, шел совсем медленно²⁰. В марте 1898 г. Павлов обратился в Министерство просвещения с тем же вопросом, указывая, что «желательно возможно скорее освободить Гроссе, для которого несение обязанностей преподавателя ввиду частого нездоровья Шуйского оказывается непосильным» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 18]. Лишь 1 апреля Базили направил Павлову подтверждение того, что на должность учителя может быть рекомендован выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета Н.В. Любомудров. Российскому представителю в Пекине предлагалось максимально оперативно приступить к проработке условий работы Любомудрова в училище. К 1 июня контракт был согласован, о чем 14 июля Павлов известил Базили [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 24]. Подписантами документа с китайской стороны были инспектор Янь Фу и чиновник Пань Вэньцзюнь [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 25–27]. В связи с непредвиденными обстоятельствами Любомудров прибыл в Тяньцзинь лишь в январе 1899 г. и приступил к исполнению своих обязанностей.

С назначением россиянина расширилось и урочное расписание: по крайней мере, судя по подписанному с училищем контракту, в обязанности Любомудрова также вменялось обучать слушателей «началам русского законоведения... химии и прочим общеобразовательным предметам» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 25об]. В отличие от Гроссе новому учителю значительно повысили денежное содержание²¹.

Как и его предшественник на посту преподавателя школы, Любомудров старательно работал и добился в преподавании неплохих результатов. Корреспондент Янчевецкий сообщал, что уровень разговорного русского языка у слушателей был хорошим, и они вполне могли общаться на общие бытовые темы. «Он (учащийся. – П.Л.) ответил по-русски, старательно выговаривая все слоги, что его зовут Люй Шимин, – вспоминал Янчевецкий, – что у него есть брат, который тоже учился в этом училище, а теперь находится в Порт-Артуре, что ему 18 лет, а его отцу 54, его отец бывший китайский офицер» [Янчевецкий, 1903, с. 53]. По словам самого Любомудрова, его ученики весьма усердно занимались, причем не только русским языком. Такой же была оценка и местного преподавателя. «У нас был один ученик Люй Шичжэн, хорошо говоривший по-русски, – сообщал Лю Чунхуэй, – который до того почитал великого князя Ярослава за его мудрость и справедливость, что просил окрестить его самого Ярославом Ивановичем» [Янчевецкий, 1903, с. 53].

Важной инициативой китайских администраторов, поддержанной нашими властями в Китае и России, стало открытие в русском училище «класса горных наук». На первый

²⁰ Некоторые молодые преподаватели, первоначально давая согласие, позже под благовидным предлогом отказывались ехать в Тяньцзинь, выражая уверенность, что Министерство просвещения «скоро найдет другого молодого человека, желающего занять это во многих отношениях завидное место» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 25].

²¹ Если ранее на жалование двум учителям (россиянину и китайцу) в год выделялось всего 700 ляннов серебра [Янчевецкий, 1903, с. 51], то теперь одному Любомудрову было установлено в месяц 200 ляннов [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 25об].

взгляд неприметный в контексте организации образовательного процесса сюжет в итоге показал наличие весьма серьезной конкуренции мировых держав в области распространения гуманитарного влияния в столичном регионе.

В начале 1897 г. в доверительной беседе с Пань Чжицзюнем российский консул Шуйский узнал о потребностях местной администрации в специалистах, «знающих европейские приемы горного дела», в связи с чем приложил усилия к созданию сначала отдельного русского горного училища в Тяньцзине, а после получения отказа – к открытию группы по изучению горных наук на базе уже созданного училища русского языка.

Основным оппонентом русского дипломата стал главный преподаватель открывшейся в 1895 г. в Тяньцзине Китайско-западной школы – будущего Бэйянского университета – американец Тенни Даниель²², пользовавшийся большой поддержкой иностранного дипломатического корпуса в Тяньцзине и обладавший связями во властных кругах провинции. Прослышав о действиях россиянина, американец начал предпринимать попытки по открытию горного отделения на базе своего учебного заведения, видя хорошие перспективы американского влияния на китайскую горную промышленность. В контактах с китайскими чиновниками он дискредитировал действия Шуйского, распространяя информацию о том, что «у русских нет горных инженеров, что металлы они получают большей частью из-за границы, как и китайцы, а если и существуют у них (в России. – П. Л.) горнопромышленные предприятия, то таковые находятся в руках иностранцев и ведутся при помощи иностранных инженеров» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 313, л. 24об].

Русский консул, в свою очередь, указывал на богатый опыт наших горных инженеров. Он также пытался привлечь к согласовательному процессу приезжавших в Тяньцзинь высоких русских гостей, в том числе упоминавшегося выше князя Э. Э. Ухтомского, в ходе визита которого предложил князю «пожертвовать на горное училище тысячу лан, а вице-короля (Ван Вэньшао. – П.Л.) убедил принять пожертвование... с целью нравственно связать вице-короля в требуемом отношении» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 313, л. 25об].

В марте 1897 г., пока в Тяньцзине шли споры о будущем устроителе училища, из Пекина в российский МИД ушла обнадеживающая секретная депеша, где Павлов сообщал, что «предположительно учредить при русском училище Тяньцзиня класс горных наук. Ожидаю [в] скором времени обращение к нам китайского правительства с просьбой рекомендовать опытного русского горного инженера [в] качестве профессора. Желательно было бы заранее иметь на виду подходящее лицо» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 313, л. 2].

После долгих разъяснений Шуйскому удалось склонить Ван Вэньшао на свою сторону. Китайский чиновник попросил русского представителя «составить план и смету горного отделения при русско-китайском училище» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 313, л. 24об]. В сентябре 1897 г. Ван Вэньшао направил в Ведомство финансов доклад, в ко-

²² Чарльз Даниель (Charles Daniel; 丁家立; 1857–1930), американский священнослужитель, принадлежал к конгрегационалистской церкви (Congregational Church; 公理會). Вел проповедническую деятельность в провинции Шанси, однако, не достигнув каких-либо серьезных результатов, перебрался в Тяньцзинь. В 1886 г. уволился из рядов миссионеров. Занимался частным преподаванием английского языка, открыл свою школу. В 1895 г. получил приглашение на должность старшего преподавателя (*цзунцзяоси*; 总教习) в Бэйянской китайско-западной школе (*Бэйян чжунси сюэтан*; 北洋中西学堂). В 1896 г. школа была преобразована в Бэйянский университет (*Бэйян дасюэтан*, 北洋大学堂; с 1913 г. – Бэйян дасюэ; 北洋大学). В 1951 г. в результате объединения Бэйянского университета и Хэбэйского технического института был образован Тяньцзиньский университет. Подробнее о Тенни Даниеле и его работе в Бэйянском университете см.: [Бэйян дасюэ – Тяньцзинь дасюэ сяоши, 1990, р. 18–21; Ван Цзе, 2004, р. 220–225; Ван Цзе, 2008, р. 74–80; Ван Юйго, 2003, р. 71–76].

тором, указывая на «крайне малое число в учебных заведениях отделений горных наук», предлагал «выбрать из учащихся Русского училища кандидатов для обучения их горному делу с тем, чтобы в будущем их распределить на производства» и просил «для приглашения преподавателя, приобретения физических инструментов и [образцов] различных горных пород выделить 4–5 тыс. лянвов серебра, а на обеспечение работы отделения – 6 тыс. лянвов серебра в год» [ЛИА КНР, 04–01–35–1038–048, л. 1–2]. Ведомство финансов направило доклад императору Гуансюю, который дал указание приступить к работам. 19 сентября из Пекина в МИД ушла очередная секретная депеша: «Проект горного русского училища в Тяньцзине утвержден богдыханом и средства отпущены» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 313, л. 6].

Уже в ноябре тот же Пань Чжицзюнь и Янь Фу согласовали с Шуйским контракт для приглашения в училище некоего выпускника Петербургского горного института Пашенко, «состоящего по Главному горному управлению с откомандированием в распоряжение постройкой Петровских заводов Русско-бельгийского металлургического общества»²³. Предполагалось, что учитель будет преподавать курс горных наук в рамках программы российских горных училищ, при этом теоретические занятия должны были дополняться практикой, для чего наставнику следовало «отправляться с учениками во внутренние провинции Китая в места нахождения копий и рудников» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 313, л. 12об].

Однако столь оперативно начатая подготовка к отправке российского горного инженера застопорилась. Согласование финансовых вопросов командирования затянулось, и в январе 1898 г. Пашенко отказался ехать в Тяньцзинь. Начались поиски нового кандидата. В марте 1898 г. Министерство земледелия и государственных имуществ предложило новую кандидатуру – некоего горного инженера Цимбаленко. Через два месяца посланник Павлов сообщил из Пекина, что контракт о найме россиянина в Тяньцзине согласован с китайской стороной. В сентябре новый преподаватель прибыл в Тяньцзинь.

Казалось бы, российские власти в Тяньцзине значительно продвинулись в деле укрепления национальных позиций в столь важной сфере, как китайская горнодобывающая промышленность. Именно в русском училище под руководством российского наставника начала работу первая группа по изучению горных наук. Однако, судя по всему, Цимбаленко не разделял эти высокие взгляды и работал не старательно. Между ним и руководством учебного заведения возникли разногласия, в связи с чем, не проработав и полугодя, он написал заявление об уходе якобы по состоянию здоровья [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 313, л. 67]. Училище вновь осталось без российского преподавателя горных наук. Однако на этом потрясения не закончились.

Бушевавшее по всей империи восстание ихэтуаней, направленное против иностранного вмешательства, к весне–лету 1900 г. докатилось до Тяньцзиня. Восставшие напали на русское училище и разрушили его до основания. Большая часть учащихся еще накануне беспорядков покинула Тяньцзинь. Как в итоге сложилась их дальнейшая жизнь, доподлинно не известно²⁴. Российский преподаватель Любомудров был эвакуирован в Россию²⁵.

²³ Инженер Пашенко, по всей видимости, был весьма опытным работником. К моменту приглашения в Тяньцзинь имел уже более 7 лет опыта работы, «служил в южных горных заводах Александровском и Дружковском и в течение 1893 г. занимался в Северной Америке изучением доменной плавки на тамошних заводах», знал «основательно английский, французский и немецкий языки» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 313, л. 4].

²⁴ В китайской историографии встречается упоминание лишь об одном учащемся по имени Чэнь Даянь (陈大岩), который продолжил заниматься русским языком и добился в этом деле неплохих результатов. В «Журнале учащихся Школы иностранных языков при Пекинском университете» говорится: «Чэнь Даянь, малое имя – Шао Шо (少说), родился в 1885 г. в уезде Миньсянь провинции Фуцзянь. Ранее был учащимся Тяньцзиньского училища русского языка, учил русский язык четыре года. В девятом месяце года *суймао* (1903)

Преподавание русского языка в одном из важнейших городов империи приостановилось, хотя и ненадолго. В 1903 г. русский язык в качестве экспериментальной дисциплины был включен в программу Бэйянского университета, фактическим руководителем которого продолжал оставаться американец Тенни. Преподавателем был назначен брат российского консула в Тяньцзине А.В. Лаптев [*Бэйян дасюэ – Тяньцзинь дасюэ сяоши*, 1990, р. 35]. Данных о том, как строилось преподавание, к сожалению, не сохранилось. Известно лишь о том, что в группе обучались не более десяти человек [*Тяньцзинь цзиньдай цзяоюй чжиду ши*, 2017, р. 209].

Не исключено, что масштабы работы отделения русского языка были незначительными, так как весной 1906 г. Лаптев был уволен вследствие малого «числа лиц, желающих изучать русский язык» [*АВПРИ*, ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 21об]. Такое положение вещей возмутило российских представителей в Тяньцзине, старавшихся восстановить преподавание русского языка. Как видно из докладов наших властей в МИД, основной причиной расформирования группы русского языка в университете стали отнюдь не реваншистские настроения конкурента Тенни, но усилившиеся позиции японцев, имевших «намерение в недалеком будущем открыть там свой класс» [*АВПРИ*, ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 45]²⁶.

Несмотря на то что в контактах с главным наместником провинции Чжили Юань Шикаем (袁世凯; 1859–1916) консул в Тяньцзине Д. В. Мещерский (1875–1933) так и не смог отстоять идею сохранения в Бэйянском университете отделения русского языка, он тем не менее добился обещания китайских властей открыть в Тяньцзине в будущем отдельное училище русского языка. Наши представители со всей серьезностью отнеслись к этой возможности и начали вести активную подготовку. В ноябре 1907 г. в Тяньцзине появилась Школа новых языков, где в том числе было организовано преподавание русского языка (также преподавался французский и немецкий язык). Учителем был назначен некий выпускник Владивостокского восточного института Петров, с которым администрация учебного заведения заключила контракт на один год, назначив жалованье в размере 2400 лянов серебра [*АВПРИ*, ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 131]²⁷.

Организацию образовательного процесса в новом учебном заведении взял под личный контроль посланник в Пекине Д.Д. Покотилов, направивший в Тяньцзинь старшего преподавателя Школы русского языка при КВЖД Я.Я. Брандта (1869–1946), вменив ему в обязанности «ознакомиться с постановкой дела преподавания русского языка в тамошней школе» [*АВПРИ*, ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 121]. Как сообщал инспектор, на отделении русского языка в общей сложности обучались 73 слушателя, преподавание было ор-

поступил в школу [иностраннных языков «Исюэгуань»; 译学馆] учить русский язык. В девятом месяце года *исы* (1905) отделом образования направлен в Россию на учебу» [*Цзинши Исюэгуань гуйчжан, фу тунсюэ лу цзи баогаошу*, 1905, л. 3об].

²⁵ Из Китая Любомудров вернулся в родовое имение в Смоленской губернии, где восстанавливал здоровье, пошатнувшееся из-за длительных и изнурительных переездов. Оттуда он неоднократно обращался в МИД с просьбами о выделении материальной помощи, пытался вновь вернуться в Китай на преподавательскую должность, но получал отказ. В ноябре 1901 г. его назначили сверхштатным чиновником смоленского Губернского акцизного управления, а в январе 1902 г. он был уволен со службы в МИД [*АВПРИ*, ф. 143, оп. 491, д. 312, л. 38].

²⁶ Несмотря на отсутствие сколько-нибудь заметных результатов в организации преподавания русского языка в Бэйянском университете, в историографии сохранились данные об одном из выпускников отделения русского языка, получившем известность выдающегося педагога, общественного деятеля и организатора женского образования. В 1906 г. университет окончил Ма Цяньли (马千里; 1885–1930), впоследствии занимавший различные должности в образовательных учреждениях Шанхая и Тяньцзиня, ставший учителем будущего Премьера КНР Чжоу Эньлая, служивший директором первого в Чжили женского педагогического училища [Ли Цзинфан, 2014, р. 63; Ма Цяньли юй Чжоу Эньлай фуфу, 2013, р. 63].

²⁷ Весьма скромное жалованье. Российские наставники китайских учебных заведений в то время получали от 2,5 до 4,2 тыс. лянов серебра. См.: [*АВПРИ*, ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 131об].

ганизовано в двух разрядах, и помощь Петрову также оказывали два китайских наставника. Имеющиеся китайские архивные материалы позволяют восстановить лишь личность одного из них. Им был выпускник отделения русского языка пекинской Школы иностранных языков «Тунвэньгуань» Гуй Жун (桂榮)²⁸, до этого занимавшийся организацией преподавания русского языка в Синьцзяне и в начале 1907 г. по указанию Юань Шикая прибывший в Тяньцзинь на должность переводчика русского языка в местной администрации и по совместительству преподавателя в упомянутой школе русского языка [ЛИА КНР, 03–5472–078, л. 1].

Учебная программа разрабатывалась самим российским преподавателем с учетом «непосредственной близости Китая к России и их многовековых отношений, что было вполне одобрено» руководством школы [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 115]. В качестве учебного пособия предполагалось использовать подготовленную Брандтом в 1906 г. третью часть учебника по русскому языку для китайских учащихся «Почин» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 115об]²⁹.

Школа, видимо, пользовалась большим спросом среди молодых китайских подданных: во вступительных экзаменах приняли участие порядка 3 тыс. человек, при этом на все три отделения были зачислены всего 200, в силу чего «состав класса русского языка в Тяньцзине представляется, по заключению Брандта, весьма удовлетворительным» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 121–121об]. В связи с открытием нового отделения русского языка, как указывал в декабре 1907 г. в МИД Д.Д. Покотилов, «вопрос о возобновлении преподавания русского языка в тяньцзиньской школе нужно считать разрешенным в благоприятном смысле» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 121об].

В 1900-х гг. Российская духовная миссия в Пекине через православный стан в Тяньцзине (основан в 1900 г.) также пыталась наладить преподавание русского языка китайским прихожанам. Для этих нужд специальный класс открыли направленные в Тяньцзинь Григорий и Николай Шуан – братья из числа крещеных албазинцев. Однако с большими усилиями сформированная группа была довольно быстро распущена – либо по причине нехватки средств на ее содержание, либо ввиду отсутствия учащихся. «Учеников нельзя иначе найти на нашу программу как принять их на полный пансион от мис-

²⁸ В китайской и отечественной историографии сохранились некоторые сведения о Гуй Жуне (桂榮, также встречается написание 贵荣, малое имя – Дун Цин, 冬卿). Он принадлежал к «синему китайскому знамени с каймой». Был принят в пекинскую Школу иностранных языков в 1867 г. на недавно открывшееся отделение астрономии, но потом перешел на отделение русского языка, где обучался под руководством российского учителя А.Ф. Попова. С учителем у Гуй Жуна сложились добрые отношения. «Многоуважаемый наш учитель, Афанасий Ферапонтович, – писал он из Лондона учителю в ноябре 1868 г., – вы советовали нам знакомиться и разговаривать с русскими, ваш совет очень хороший, очень благодарим вас за вашу заботу о нас. Мы и будем так делать» [РГАДА, ф. 1385, оп. 1, д. 2019, л. 1, 6об–7]. В 1878 г. в качестве переводчика в составе миссии министра Ведомства по делам всех государств Чун Хоу принимал участие в переговорах в Санкт-Петербурге по вопросам подписания соглашения о возвращении Китаю временно занятого Россией Илийского султаната (Ливадийский договор). В 1880–1881 гг. там же участвовал в пограничной конференции по подготовке Санкт-Петербургского договора [Воскресенский, 1995, с. 128, 136]. С 1879 г. был назначен на должность ланчжун (начальник отделения) Ведомства финансов, но с откомандированием в Тунвэньгуань, где активно занимался преподавательской и переводческой работой. В 1884 г. направлен в учебную командировку в Санкт-Петербург, где был зачислен на должность «преподавателя китайского разговорного на восточный факультет Санкт-Петербургского университета» [Янь Годун, 2006, с. 519]. Проработал там до 1885 г. [Э су чжунго сюэ шюэцэ, 1986, р. 107]. По возвращении в Пекин продолжил учительскую деятельность в Тунвэньгуань. Самостоятельно перевел, адаптировал и подготовил к изданию учебное пособие «Основы истории России» (俄国史略). В 1885 г. был спешно отправлен в Синьцзян для открытия школы русского языка. Подробнее о его деятельности в Синьцзяне см.: [Чэнь Цзяньпин, 2015, р. 94–95].

²⁹ Почин. Опыт учебной хрестоматии для преподавания русского языка в начальных китайских школах. В 3 частях. Ч. 3. Отд. 1. Состав. Яков Брандт. Пекин, 1906. Подробнее о подготовленной Я. Я. Брандтом учебной литературе для китайских учащихся см.: [Дацышен, 2013, с. 546–547].

сии, как это заведено в Пекине», – жаловался в 1910 г. выпускник православной семинарии при Духовной миссии албазинец Игнатий Шуан, направленный из Пекина в Тяньцзинь в качестве катехизатора [*Летопись проповеди православия...* 1911, с. 14]. Иногда удавалось набрать достаточное число учащихся, но заинтересовать их материально, тем самым привязав к православному приходу, не представлялось возможным. «Учеников набрали двадцать три человека, все малыши, беднота, соседи. Все на условиях приходящими в своем содержании, только книги для принявших крещение да письменные принадлежности для всех от миссии», – констатировал настоятель тяньцзиньского стана Игнатий [*Летопись проповеди православия...* 1911, с. 15]. При такой организации образовательного процесса китайские прихожане, возможно, получали общее знакомство с русским языком и православной культурой, но говорить о русском классе как о стабильно работавшем подразделении представительства РПЦ в Тяньцзине вряд ли представляется возможным.

Такова история преподавания русского языка в конце XIX – начале XX в. в одном из ведущих политических и экономических центров Цинской империи – Тяньцзине. Видно, что ввиду своего особого положения город привлекал внимание иностранных держав, проводивших там свою дипломатию, составной частью которой была гуманитарная деятельность, нацеленная на вовлечение большего числа интеллигенции в сферу иностранного идеологического влияния.

Российские представители также содействовали укреплению в Тяньцзине российского гуманитарного присутствия. Так сложилось, что именно китайские власти стали инициатором создания первых учебных заведений по преподаванию русского языка, что в отличие от других иностранцев снимало с наших дипломатов необходимость изыскивать административные и финансовые ресурсы для нормальной организации образовательного процесса. Складывалась в целом взаимовыгодная ситуация, при которой руководителями учебных заведений становились местные жители, россияне же обеспечивали комплектование преподавательского состава и разработку уставной и методической базы, что было в наших интересах, так как позволяло направлять работу учреждений в выгодное для России русло.

Отличительной особенностью являлось также и то, что кроме Пекинского университета Тяньцзинь стал вторым городом, где наш язык преподавался на уровне высшего образования – в Бэйяньском университете. При этом обучение в двух вузах началось практически одновременно (в Пекинском университете – с 1902 г.). Это был важный шаг по введению преподавания русского языка в высшей школе.

Достижением российской гуманитарной политики также стало открытие отделения «горных наук» в Русском училище. При удачном стечении обстоятельств наша дипломатия получала возможность участия в становлении горнодобывающей отрасли в столичном регионе Китая.

Оценки развития преподавания русского языка в Тяньцзине и роли наших официальных представителей в этом процессе тем не менее не могут быть однозначными. Учитывая тот факт, что китайские власти самостоятельно организовывали учебные заведения по обучению русскому языку, российские ответственные ведомства довольно долго согласовывали вопросы командирования преподавателей в Тяньцзинь, затягивая осуществление успешной пропаганды знаний о России среди думающей части китайского общества. Каждый раз после выработки выгодных для российского преподавателя контрактных обязательств приезд наставника в Тяньцзинь либо откладывался либо и вовсе отменялся из-за внутриаппаратных проволочек. И это притом что консульство в Тяньцзине заранее сообщало в Санкт-Петербург о готовящихся инициативах китайской стороны и просило «заранее иметь на виду подходящее лицо».

Российские власти не предпринимали каких-либо действий по восстановлению класса «горных наук» после восстания ихэтуаней 1900 г. Судя по всему, довольно слабую подготовку имел и российский наставник Бэйянского университета.

Как бы то ни было, зарождение преподавания русского языка в Тяньцзине, обусловленное практическими потребностями в подготовке соответствующих специалистов, стало важным сюжетом в истории русистики в Китае. Среди региональных центров образования именно здесь наш язык впервые начал преподаваться на вузовском уровне, очевидные же неудачи на ранних этапах обучения русскому языку скорее стоит связывать с преобладанием в российской внешней политике военно-дипломатических и торговых интересов на фоне гуманитарных, что соответствовало специфике мировой политики периода колониализма.

АРХИВЫ / ARCHIVES

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (*AVPRI*), Moscow]

Ф. 143. Оп. 491. Д. 312

Ф. 143. Оп. 491. Д. 313

Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042

РГАДА – Российский государственный архив древних актов [Russian State Archive of Ancient Documents]

Ф. 1385. Оп. 1. Д. 2019

ПИА КНР – Первый исторический архив КНР [FHA ROC – First Historical Archive of ROC]

04–01–01–1015–039

04–01–35–1038–048

03–5472–078

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бэйян дасюэ – Тяньцзинь дасюэ сяоши (История Бэйянского – Тяньцзиньского нэцзиньского университета; 北洋大学 – 天津大学校史). Ред. Чжоу Аньци (周安慈). Тяньцзинь: Тяньцзинь дасюэ чубаньшэ, 1990 [*History of Peiyang University – Tianjin University*. Ed. Zhuo Anci. Tianjin, Tianjin daxue chubanshe, 1990 (in Chinese)].

Бэйян цзиши (*Хроники Бэйяна*; 北洋纪事). Тайбэй: Вэньтингэ тушу юсянь гунсы, 2013 [*Chronicles of Peiyang*. Taipei: Wentingge tushu youxian gongsi, 2013 (in Chinese)].

Ван Цзе (王杰). Гуаньюй Бэйян дасюэ дэ цзи дэнь каочжэн (Разыскания о Бэйянском университете; 关于北洋大学的几点考证). *Тяньцзинь дасюэ сюэбао* (шэхуэй кэсюэбань) (*Вестник Тяньцзиньского университета*; 天津大学学报. 2004, № 3. С. 220–225 [Wang Jie. Textual Research on Peiyang University. *Journal of Tianjin University (Social Sciences)*. 2004. No. 3. Pp. 220–225 (in Chinese)]).

Ван Цзе (王杰). Бэйян дасюэтан юй чжунго цзиньдай гаодэн цзяоюй дэ юаньци (Бэйянский университет и истоки высшего образования в Китае в Новое время; 北洋大学堂与中国近代高等教育的缘起). *Гаоцзяо таньсо* (*Исследования в области высшего образования*; 高教探索). 2008. № 6. С. 74–80 [Wang Jie. Peiyang University and Origins of Higher Education in Modern China. *Higher Education Exploration*. 2008. No. 6. Pp. 74–80 (in Chinese)].

Ван Юйго (王玉国). Дин Цзяли юй бэйян дасюэтан (Чарльз Даниель Тенни и Бэйянский университет; 丁家立与北洋大学堂). *Тяньцзинь дасюэ сюэбао* (*Вестник Тяньцзиньского университета*; 天津大学学报). 2003. № 1. С. 72–76 [Wang Yuguo. Charles Daniel Tenney and Peiyang University. *Journal of Tianjin University*. 2003. No. 1. Pp. 72–76 (in Chinese)].

Воскресенский А. Д. *Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года*. М.: Памятники исторической мысли, 1995 [Voskresensky A. D. *Diplomatic History of St. Petersburg Russian-Chinese Treaty of 1881*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1995 (in Russian)].

Дацышпен В. Г. *Русские китаеведы XVIII – начала XX вв.: преподаватели и составители словарей*. Архив российской китаистики. Ред. А. Р. Вяткин. Т. I. М.: «Наука», 2013. С. 532–550 [Dat-syshpen V. G. *Russian Sinologists 18th – Beginning of 20th Centuries: Teachers and Authors of Dictionaries*. Archive of Russian Sinology. Ed. A. R. Vyatkin. Vol. I. Moscow: Nauka, 2013 (in Russian)].

Дубаев М. Л. Шанхай и Тяньцзинь – города русского расселения. *Восточный архив*. 2005. No. 13. С. 98–101 [Dubayev M. L. Shanghai and Tianjin – Cities of Russian Settlements. *Vostochnyi Arkhiv*. 2005. No. 13. Pp. 98–101 (in Russian)].

Летопись проповеди православия на севере провинции Чжили. В Тяньцзине. *Китайский благовестник*. 1911, вып. 9 (август). С. 4–17 [Chronicle of Orthodox Sermon in the North of Zhili Province. In Tianjin. *Kitayskiy Blagovestnik*. 1911. No. 9 (August). Pp. 4–17 (in Russian)].

Ли Цзинфан (李净昉). Синь вэньхуа юньдун лишэ цзии дэ шэнсы – и чжилу ди и ньюцзы шифань сюэсяо вэй чжунсинь (Переосмысление памяти истории нового движения за культуру. На примере Первого женского педагогического училища провинции Чжили; 新文化运动历史记忆的省思 – 以直隶第一女子师范学校为中心). *Хуанань шифань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань)* (Вестник Южно-китайского педагогического университета; 华南师范大学学报). 2014. № 1. С. 60–66 [Li Jingfang. Rethinking of Memory of Modern Culture Movement History. The First Female Pedagogical College of Zhili Province as Example. *Journal of South China Normal University*. 2014. No. 1. Pp. 60–66 (in Chinese)].

Линь Каймин (林开明). Янь Фу юй Тяньцзинь эвэнь гуань (Янь Фу и Тяньцзиньская школа русского языка; 严复与天津俄文馆). *Цзиньвань бао (Вечерняя газета; 今晚报)*. 2005.03.08 [Lin Kaiming. Yan Fu and Tianjin Russian language school. *Jinwan bao*. 2005.03.08 (in Chinese)].

Лю Цзинь (刘金). Цзиньдай Тяньцзинь яньу цзяюй цзи ци цзецзянь (Иностранное образование в Тяньцзине в Новое время и применение его опыта; 近代天津洋务教育及其借鉴). *Чжэе цзяюй яньцзю* (Исследования профессионального образования; 职业教育研究). 2009. № 8. С. 158–160 [Liu Jin. Foreign Education in Tianjin during the Modern Era and its Experience Implementation. *Professional Education Study*. 2009. No. 8. Pp. 158–160 (in Chinese)].

Ма Цяньли юй Чжоу Эньлай фуфу (Ма Цяньли и супруги Чжоу Эньлай; 马千里与周恩来夫妇). *Янь хуан цзун хэн (Все об императорах Янь[ди] и Хуан [ди]; 炎黄纵横)*. 2013. № 12. С. 63 [Ma Qianli and Zhou Enlai Spouses. *Yan Huang Zong Heng Journal*. 2013. No. 12. P. 63 (in Chinese)].

Мещерский Д. [В.] Торговля Тяньцзина. Донесение консула в Тяньцзине. *Сборник консульских донесений*. Вып. II. 1907. С. 83–100 [Mecherskiy D. [V.] Tianjin's Trade. Reports of [Russian] Consul in Tianjin. *Collection of Consulate Reports*. 1907. No. 2. Pp. 83–100 (in Russian)].

Пи Хоуфэн (皮后锋). Янь Фу юй Тяньцзинь шуйши сюэтан (Янь Фу и Тяньцзиньское военноморское училище; 严复与天津水师学堂). *Фуцзянь лунтань (Фуцзяньский форум; 福建论坛)*. 2009. № 1. С. 71–79 [Pi Houfeng. Yan Fu and Tianjin Navy School. *Fujian Tribune*. 2009. No. 1. Pp. 71–79 (in Chinese)].

Пи Хоуфэн (皮后锋). Янь Фу чули Тяньцзинь шуйши сюэтан дэ чжичэн (Наименование должности, в которой пребывал Янь Фу в Тяньцзиньском военноморском училище; 严复出任天津水师学堂的职称). *Фуцзянь лунтань (Фуцзяньский форум; 福建论坛)*. 2011. № 9. С. 68–72 [Pi Houfen. Yan Fu and the Name of His Positions at Tianjin Navy School. *Fujian Tribune*. 2011. No. 9. Pp. 68–72 (in Chinese)].

Православие, православные и русские школы в Китае. *Миссионерское обозрение*. 1900, июль–август. С. 171–176 [Orthodoxy, Orthodox and Russian Schools in China. *Missionerskoe Obozrenie*. 1900. July–August. Pp. 171–176 (in Russian)].

Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М.: «Восточная литература», 1958 [Russian-Chinese Relations, 1689–1916. Official Documents. Moscow: Vostochnaia Literatura, 1958 (in Russian)].

Тидеман П. Г. Донесение российского генерального консула в Тяньцзине. Обзор торговой деятельности порта Тяньцзина и тяготеющих к нему районов за 1915 год. *Донесения императорских*

российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. 1917. № 8. С. 1–22 [Tideman P. G. Reports of Russian Consul in Tianjin. *Survey of Trade Activity of Tianjin Port and Regions around it for the Year 1915*. 1917. No. 8. Pp. 1–22 (in Russian)].

Тунвэньгуань тимин лу, ди лю цы (Шестой журнал [пекинской] Школы иностранных языков Тунвэньгуань; 同文馆题名录, 第六次). Пекин: Тунвэньгуань бян, 1896 [Journal of [Peking] School of Foreign Languages. The 6th part. Peking: Tongwenguan Publ. 1896 (in Chinese)].

Тяньцзинь цзиньдай цзяоюй чжиду ши (История системы образования в Тяньцзине в Новое время; 天津近代教育制度史). Ред. Ван Хуэй (王慧). Пекин: Чжунго шэ хуэй кэсюэ чубаньшэ, 2017 [History of the Modern Education System in Tianjin. Ed. Wang Hui. Peking: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2017 (in Chinese)].

Тяньцзинь цзучэ (Концессии в Тяньцзине; 天津租界). Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1986 [Tianjin Concession. Tianjin: Tianjin renmin chubanshe, 1986 (in Chinese)].

Тяньцзинь цзучэ шэхуэй яньцзю (Социальные исследования концессий в Тяньцзине; 天津租界社会研究). Ред.: Сяо Кэцян, Лю Хайян (肖克强, 刘海岩). Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1996 [Social Research of Tianjin Concession. Eds. Xiao Keqiang, Liu Haiyang. Tianjin: Tianjin renmin chubanshe, 1996 (in Chinese)].

Тяньцзинь цзяоюй ши (История образования в Тяньцзине; 天津教育史). Ред. Чжао Баоци, Чжан Фэнминь (赵宝琪, 张凤民). Т. I (上卷). Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2001 [History of Education in Tianjin. Vol. I. Eds. Zhao Baoqi, Zhang Fengmin. Tianjin: Tianjin renmin chubanshe, 2001 (in Chinese)].

Успенский А. И. Русская концессия в Тяньцзине. Известия министерства иностранных дел. 1914. Книга I. С. 149–189 [Uspenskiy A. I. Russian Concession in Tianjin. *Izvestiya Ministerstva Inostrannyh Del*. 1914. Vol. 1. Pp. 149–189 (in Russian)].

Успенский К. В. Донесение управляющего императорским российским консульством в Тяньцзине. Обзор торговой деятельности порта Тяньцзина и тяготеющих к нему районов за 1914 год. Донесения императорских российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. № 56, 1916. С. 1–19 [Uspenskiy K. V. Reports of the Head Russian Imperial Consulate in Tianjin. *Survey of Trade Activity of Tianjin Port and Regions around It by 1914*. 1916. No. 56. Pp. 1–19 (in Russian)].

Хоу Чжэньтун (侯振彤). Шилунь Тяньцзинь цзиньдай цзяоюй дэ кайдуань (Рассуждения о началах нового образования в Тяньцзине; 试论天津近代教育的开端) Тяньцзинь шифань дасюэ сюэбао (Вестник Тяньцзиньского педагогического университета; 天津师范大学学报). 1982. № 2. С. 38–43 [Hou Zhentong. Story on the Beginning of the Modern Education in Tianjin. *Journal of Tianjin Normal University (Social Sciences)*. 1982. No. 2. Pp. 38–43 (in Chinese)].

Цзинши Исюэгуань гуйчжан, фу тунсюэ лу цзи баогаошу (Устав пекинской школы иностранных языков Исюэгуань с приложенным списком учащихся и докладом; 京师译学馆规章 (附同学录及报告书)). Пекин: Цзинши сюэучу гуаньшущюй, 1905 [Regulations on Peking School of Interpreters with Journal of Students and Report. Peking: Jingshi xuewuchu guanshu ju. 1905 (in Chinese)].

Цзинши Тунвэньгуань сюэ ю хуэй ди и цы баогаошу (Доклад первой конференции выпускников пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань; 京师同文馆校友会第一次报告书). Ред. Ма Яньлян (马延亮). Пекин: Цзинхуа иньшу цзюй, 1916 [Report on the first conference of the students of Peking School of foreign languages. Ed. Ma Yanliang. Peking: Jinhua yinshuju, 1916 (in Chinese)].

Цзиньмэнь цзюлюэ (Хроники Тяньцзиня; 津门纪略). Ред. Чжан Шоуцян (张守谦). Тяньцзинь: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 1988 [Chronicles of (Tian)jin. Ed. Zhang Shouqian. Tianjin: Tianjin guji chubanshe, 1988 (in Chinese)].

Чжан Дао (张焘). Цзиньмэнь цзаци (Хроники Тяньцзиня; 津门杂记). Тяньцзинь: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 1986 [Zhang Dao. *Chronicles of Tianjin*. Tianjin: Tianjin guji chubanshe, 1986 (in Chinese)].

Чжан Шаоцзу (张绍祖). Тяньцзинь эвэнь гуань – чжунго цзуй цзао гуаньбань чжуанькэ сюэсяо (Тяньцзиньская школа русского языка – самое первое официальное профессиональное учебное заведение в Китае; 天津俄文馆 – 中国最早官办专科学校). Тяньцзинь лаоянь шибао (Тяньцзиньская газета престарелых; 天津老年时报). 2007.05.04 [Zhang Shaozu. Tianjin Russian

Language School – The Earliest Official College in China. *Tianjin laonian shibao*. 2007.05.04 (in Chinese)].

Чэнь Цзяньпин (陈剑平). Цин мо синьцзян дэ эюй сюэсяо цзици цзяосюэ шицзянь (Школы русского языка в Синьцзяне в поздние годы династии Цин и их образовательная практика; 清末新疆的俄语学校及其教学实践). *Чжунго эюй цзяосюэ (Русский язык в Китае; 中国俄语教学)*. 2015, № 2. С. 92–96 [Chen Jianping. Russian Language Schools and Their Education Practice in Xinjiang in Late Qing Period. *Russian Language in China*. 2015. No. 2. Pp. 92–96 (in Chinese)].

Шуйский Н. [А.] Торговля Тяньцзиня. Донесение консула в Тяньцзине. *Сборник консульских донесений*. Вып. I–VI. 1900. С. 21–36 [Shuyskii N. [A.] Trade of Tianjin. *Reports of [Russian] Consul in Tianjin*. 1900. Vol. 1–6. Pp. 21–36 (in Russian)].

Э су чжунго сюэ шоуцэ (Справочник по китаеведению в России и Советском Союзе; 俄苏中国学手册). Т. I (卷 1). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэюань чубаньшэ, 1986 [Reference Book on Sinology in Russia and the Soviet Union. Vol. I. Beijing: Zhongguo shehui kexueyuan chubanshe, 1986 (in Chinese)].

Ян Шэнсян 扬升祥. Цзяньлунь Тяньцзинь цзуцзе (Краткая [история] концессий в Тяньцзине. 简论天津租界). *Лиши цзяосюэ (Преподавание истории; 历史教学)*. 2003. № 3. С. 51–53 [Yang Shengxiang. Briefly on Tianjin Concession. *Teaching of History*. 2000. No. 3. Pp. 51–53 (in Chinese)].

Янчевецкий Д. У стен недвижного Китая. *Дневник корреспондента «Нового края» на театре военных действий в Китае в 1900 году*. СПб., Порт-Артур: 1903 [Yanchevetskiy D. *Near the Walls of Motionless China. Diary of "Novyi Krai" Correspondent in the Theater of War in China in 1900*. St. Petersburg: Port-Artur, 1903 (in Russian)].

Янь Годун (阎国栋). *Эго ханьсюэ ши (История китаеведения в России; 俄国汉学史)*. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006 [Yan Guodong. *History of Sinology in Russia*. Beijing: Renmin chubanshe, 2006 (in Chinese)].

Янь Фу цзопинь цзинсюань (Избранные произведения Янь Фу; 严复作品精选). Ред. Сюй Цзухуа (许祖华). Ухань: Чанцзян вэньи чубаньшэ, 2005 [Selected Literary Works of Yan Fu. Ed. Xu Zuhua. Wuhan: Changjiang wenyi chubanshe, 2005 (in Chinese)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛАПИН Павел Андреевич – кандидат исторических наук, советник по культуре Посольства России в Китае, Пекин.

Pavel A. LAPIN, PhD (History), Cultural Counselor of the Russian Embassy in Beijing, China.